

Пушкин А.С.
(человек)

13.12.05

Зачем нам Пушкинский Дом?

Известия - 2005 - 13 фев. - 0.6

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

**ВЛАДИМИР
КОТЕЛЬНИКОВ**

зам. директора
Института русской
литературы
(Пушкинского Дома)

Пушкинскому Дому — 100 лет. Это крупное событие прежде всего для Академии наук, где на этой неделе отмечают вековой юбилей старейшего академического учреждения — Института русской литературы. Событие ли это для нашего общества? И что такое Пушкинский Дом для него?

Сегодня даже не чуждые образованности туристы (а подчас и петербуржцы) нечетко различают Пушкинский Дом и Музей-квартиру Пушкина, что на Мойке, 12, и, заходя в наше ампириное здание на берегу Малой Невы, некогда принадлежавшее Морской таможне, спрашивают: «А где здесь жил Пушкин?».

Вопрос забавный, но на него можно ответить вполне серьезно. Пушкин жил и живет в созданном для него столетие назад Пушкинском Доме, ибо 12 тысяч листов его автографов, хранящихся у нас, — это живое присутствие поэта в нынешней культуре. К ним естественно присоединялись рукописи других русских литераторов, из чего сложились архивные фонды Пушкинского Дома — около 3 миллионов единиц хранения. Над ними десятилетиями трудятся историки литературы, текстологи, комментаторы — и в свет выходят академические полные собрания сочинений.

Нужен ли сегодня этот труд — до последней буквы выверять и всесторонне комментировать слова, сказанные столетия назад?

Нужен и крайне важен. Русская классика, ради которой создан и существует Пушкинский Дом, — это прежде всего основной резервуар русской речи. Перестань мы черпать из него — словесная нищета и косноязычие, а следом и скудоумие станут (и, увы, уже становятся) нашим уделом.

Совершенные речевые формы нашего мышления, нашего общения, нашей памяти задал Пушкин, чей язык для России — то же, что язык классического Рима для позднейшей Европы. Пушкин отлил канон русского слова и оставил на нем чекан своей умственной дисциплины и художественной меры. Последующие слова — производные от Пушкина.

Повседневный язык подвижен и пластичен, он подвержен колебаниям и влияниям;

он может обогащаться, но может беднеть и разрушаться. Литература — не только хранение канона, но выработка в меняющемся языке новых оптимальных форм речи. Как только эта творческая работа ослабевает, происходит вульгаризация языка и его обесмысливание, чему мы свидетели ныне, когда часть словесности сползает с былых вершин в низины массового успеха.

Говоря о литературном языке классической традиции, я имею в виду не только его хрестоматийные образцы (знание которых было основой личной речевой культуры) и известные цитаты. Я имею в виду, что литература на своих вершинах творила сам строй нашей речи, задавала ее смысловую объем, выразительность, точность. Кто усвоил эту традицию наследственно и учебно, тому стыдно говорить пусто, бесвязно, тускло.

Содержательная, грамматическая и стилистическая полноценность русской литературы — единственный реальный гарант полноценности наших ментальных и коммуникативных процессов. Иными словами: пока мы знаем и ценим свою литературу, мы не можем окончательно оглупеть и утратить взаимопонимание.

«Литература — не только хранение канона, но выработка в меняющемся языке новых оптимальных форм речи»

Не буду утверждать, что в какие-то лучшие времена все говорили на языке Пушкина и Толстого. Но именно литература создавала и передавала от поколения к поколению золотой запас нашей речи. Если мы будем сокращать круг классических авторов и текстов, сужать сферу их изучения и бытования, мы потеряем право и способность распоряжаться этим запасом, и в нашем обороте останутся только истрепанные купюры обывденной речи, ничем ценным более не обеспеченные.

В том и состоит историческое дело Пушкинского Дома, чтобы из рукописных, книжных, документальных материалов, в нем же сосредоточенных, строить научно выверенный и защищенный литературно-языковой фундамент культуры, скрепляя и сохраняя все его части в правильном порядке. В него закладываются не только получившие филологическую оправу алмазы XIX — начала XX века, но и самоцветы позднейших эпох. Поэтому окончания нашей работе не предвидится, и никто, кроме Пушкинского Дома, признанного мирового центра русистики, не сможет ее выполнить.